

Явившись в свет якутскою весною
 За тающей броней оконных льдин,
 Я завладел избою, как страну,
 Но этим царством правил не один.

Хоть мама появлялась дома редко,
 Зато не выходил за дверь апрель,
 И домовята, встав на табуретку,
 Мою качали дружно колыбель.

Стучался бык в окошко однорогий¹,
 И за соседской тонкою стеной
 Кричал мне песни ангел одноногий
 С устами, опаленными войной.

С рассвета, как на вахте корабельной,
 Он пил и пел без отдыха и сна.
 И самой бесконечной колыбельной
 Была его «Священная война».

КРАСНЫЙ АНГЕЛ

На краю простуженной Вселенной,
 Еле слышно крыльями шурша,
 С берегов заледеневшей Лены
 Вознесется русская душа.

¹ Я родился в конце марта, а мифический хозяин холода якутов — Бык Зимы в конце февраля, слабея, теряет один ледяной рог.

Обогнув морозы и туманы,
В небесах найдет она окно.
И омоет белым гулом раны,
И снегами причастится, но

В рай ее, советскую, не пустят,
В ад не вторгнут — нет таких грехов,
И удержат алый сгусток грусти
Только крылья тонкие стихов.

Наверху вздохнет седой архангел,
Сатана внизу слезу утрет...
И тревожный ярко-красный ангел
Между ними в вечность поплывет.

СУМАСШЕДШАЯ

Под холодным дождем,
В непонятной одежде старинной,
Под березу присев,
Окуная ладони в траву,
В темно-синий пакет,
Перепаханной желтою глиной,
Собирала она
Облетевшую
с веток
листву.

Сумасшедшая женщина
Гладила тихо листочки,
Не стыдясь укоризны
Чужих осуждающих глаз...

А не так ли мы сами
Свои сокровенные строчки
Под дождем и презреньем
В грязи собираем подчас?..

МАРТ

Еще от ветра вытирают слезы
Березы на обочине реки
И в подворотнях прячутся морозы,
Поземки намотав на кулаки.

Но золотой уже распахнут улей,
И ворохнулись в омуте сомы,
И воробей серебряною пулей
Пронзает грудь растерянной зимы.

И что-то шепчет домово́й на ушко,
И в голос входят утром петухи.
И сладкой тайной светится опушка,
Где в скорлупу снегов стучат стихи.

ГОЛУБИНАЯ КНИГА

Стародавняя книга упала
На таежное наше село.
Заглянуть я пытался в начало,
Да от мудрости руки свело.

Ну а взрослым и вовсе не впору
Оказалась небес благодать,
Унесли они книгу на гору:
Им таких не велели читать.

Так все лето она и лежала,
Продолжая отступника ждать,
То на солнце чуть-чуть подсыхала,
То дождями мочилась опять.

Выгибалась обложкой старинной,
Будто в небо хотела назад,
Но на зовы глубин Голубиной
Не открылись глубинки глаза.

Лишь осенней студеной порою,
Когда сбилось к жилью воронье,
Дед Никифор, что жил под горою,
Молча пользоваться начал ее.

Вырвал первый листок аккуратно,
Над дымящей плитой просушил
И, насыпав махорочки знатно,
На колене сигарку скрутил.

Без ноги, что война оторвала,
Он сидел на любимом крыльце,
И великая тайна блуждала
На его отрешенном лице.

Он лишился и мата, и речи,
Он не слышал почти ничего.
И мерцали березы, как свечи,
В алтаре палисада его.

Только кольца, как нимбы, дрожали
Да сиреневый сумрак витал...
А однажды соседи сказали,
Что Никифор куда-то пропал.

Сколь искали его, сколь кричали,
Не нашли ни в тайге, ни на дне.
Но не раз появлялся ночами
Огонек в его мертвом окне.

И не раз, суеверно под вечер
К стариковой припав городьбе,
Люди слышали горные речи
В заколоченной накрест избе.

* * *

Никла травушка-муравушка,
И, склонившись у огня,
Поучала тихо бабушка
Неразумного меня:

«Перед смертью не надышишься,
Не накопишь счастья впрок...»
Только, видно, я ослышался
И не выучил урок.

Я бросал с обрывов камушки
И ловил от них круги.
Я теперь не младше бабушки,
Только вот не стал другим.

Я бреду навстречу просини,
И с волною терпких грез
Я вдыхаю запах осени
И холодный шелест звезд.

Я вдыхаю грудью полною
Темно-синий океан,
Золотое поле — волнами
И серебряный туман.

Опьянит меня муравушка,
Я над травушкой взлечу...
Ты прости за глупость, бабушка,
Надышаться я хочу!